

О МОЕМ ДРУГЕ

Соединение художественного таланта и умения думать о конечных проблемах человеческого бытия — дело редкое. Тогда возникает то, что русский философ Евгений Трубецкой назвал «умозрением в красках». Он употребил этот термин в своей статье об иконописи, но, думается, его можно применить и к современной живописи. Не забывая, однако, что, умозрение в красках, дано не каждому. Ибо надо не только держать в руках кисть, но еще иметь на плечах голову. Как понятно из жанра предисловия, я отношу к художникам, рассуждающим с помощью краски, холста и кисти о вековечных проблемах, своего друга Максима Светланова.

Мы прожили в одно время и в одной стране немало. Мы застали конец сталинизма, но не успели плениться им, зато падение и разоблачение разнообразных мифов не раз тревожили наше сознание. Понятно, что система тоталитарного, потом полутоталитарного (т.е. Оттепель), потом псевдототалитарного и коррупционного мира (названного застоем), людей, в общем-то, честных и порядочных, к тому же трезвомыслящих очаровать никак не могла. Но как себя вести в новой ситуации? Был путь диссидентский, но этот путь предполагал свою дисциплину, свое начальство, да и бесовщина, описанная Достоевским, вернулась в общественное сознание, и был страх ее социального повторения. Существовала, конечно, иллюзия свободного Запада, готового поддержать независимое искусство. Живопись должна иметь покупателя, и Запад готов был платить. Светланов уехал дальше всех: через Европу в Австралию, где прожил несколько лет. Еще Декарт говорил о необходимости поездок по миру для духовного возмужания. Разумеется, возмужание, умение пользоваться как собственным опытом, так и собственным умом, безусловно, требует духовной независимости. Максим обладал и обладает этой независимостью в полной мере.

Что же дала она ему в его работе, в его живописи? Я бы выразил эту данность одним словом: свет. Светланов в своих картинах показал, что свет может нарисовать все. Вместо выяснения социальных и преходящих коллизий, он попытался понять, что же создало мир, мироздание, что в основе его возможного одухотворения... И как художник европейской традиции он не мог миновать Книгу Книг — Библию. Книгу трагическую, жестокую, порой страшную, но в отличие от всех других жестоких, страшных и трагических книг, несущую свет человеку, который углубился в ее смыслы.

Картины Светланова погружают нас в глубину мирового процесса — сотворения мира светом. А процесс этот, конечно, творит я Богом. В этом смысле его картины обладают и теургическим характером. Когда-то Евгений Трубецкой, говоря об умозрении в красках, писал, что звериному лику мира сего русские иконописцы постарались противопоставить видение иной жизненной правды и иного смысла мира. Именно эту правду и пытается найти Максим Светланов. Мир зверин, но есть непреходящие смыслы, властвующие над просветленной душой человека. Например, любовь, что, по слову Данте, «движет Солнце и светила». О любви у Светланова немало. Самое удивительное, что эту любовь он не придумал, потому что «художник обязан любить, планида у него такая». Его любимая женщина, муза художника, бытийствует в его картинах, дает ему свет.

Повторюсь: свет много значит в живописи. Не буду ссылаться на искусствоведов, сошлюсь на философов, которые, как и художники, думают о сути бытия. Вот и Шопенгауэр писал, что «свет — это

самое отрадное из всех вещей: он стал символом всего доброго и благодатного. Во всех религиях он означает вечное спасение, а тьма — проклятие. Ормузд обитает в чистейшем свете, Ариман — в вечной ночи. Рай Данте имеет почти такой же вид, как лондонский вокзал: все блаженные духи кажутся светящимися точками, которые соединяются в правильные фигуры. Отсутствие света непосредственно наводит на нас грусть, его возвращение дает нам счастье; цвета непосредственно возбуждают живую радость, достигающую высшей степени в случае их прозрачности. Все это происходит только оттого, что свет является коррелятом и условием самого совершенного наглядного способа познания... Таким образом, радоваться свету — означает, собственно, радоваться объективной возможности самого чистого и совершенно наглядного познания, и эта радость объясняется тем, что чистое познание, свободное и отрешенное от всякого желания, в высшей степени радостно и уже как таковое имеет большую долю в эстетическом наслаждении».

Последний период, который, собственно, и представлен в альбоме, однако, другой. Свет остался, но ушли фигуры, лики, образы. Перед нами уже не иконы, а то, что иконы обычно сопровождает: клейма. Расположенные, как мы знаем, по периметру иконы, они обычно предлагают нам схему жизни святого, святителя, схему судьбы. Светланов рисует больше не только свои «своего рода» иконы — он пишет нечто странное: пространства, напоминающие микросхемы телевизора, радиоприемника и т.п. При этом понятно, что ни к телевизору, ни к радиоприемнику его странные художественные текстур-тесты отношения не имеют. Это рассказ, точнее, попытка рассказать о том, как устроено мироздание, как создано бытие человека. Давным-давно, когда Сократ был казнен, ужаснувшийся этому событию Платон задумался о первоосновах бытия. Когда умерла Беатриче, Данте отправился в свое загробное странствие, чтобы понять мир и что в нем важнее всего. Такое же потрясение, как мне кажется, лежит в основе того, что делает сейчас Светланов. Он пытается раскодировать пространства бытия или, по крайней мере, представить нам это странное устройство мира, которое, конечно, имеет какую-то схему. Но вот какую?

Это далеко от чисто внешних поисков духовности, которые начались с абстракционизма Кандинского. Да это и не абстракционизм, это невероятно смелая попытка чего-то совсем нового, что пока трудно выразить словом. Но что уже существует в живописи. И требует к себе отношения.

Мне нравится эта смелость, мне нравится осознанное, как мне кажется, стремление выйти за пределы материального мира, чтобы понять его внутреннюю суть. Мне это нравится.

Доктор философских наук, профессор,
член Союза российских писателей
Владимир КАНТОР